

ческой и художественной точки зрѣнія. По мнѣнію же другихъ, на этомъ характерѣ слишкомъ явны слѣды обдуманной и кропотливой работы вмѣсто свободнаго творчества. Дж. Эліоту, говорятъ они, не удалось сдѣлать Савонаролу живымъ лицомъ, хотя удалось воплотить въ его проповѣдяхъ восторженный аскетизмъ монаха съ такой силой, какъ будто она была ревностнѣйшей католичкой и сама пережила всѣ стадіи религіознаго экстаза.

Савонарола изображенъ у Дж. Эліота весьма сложной природой, соединеніемъ большой нравственной силы съ болѣзненной впечатлительностью, и безкорыстной жажды добра и правды съ широкимъ честолюбіемъ. Въ тиши монастыря, бѣжавшій отъ міра аскетъ «постигъ великія истины и вѣрилъ, что онъ, а никто другой, призванъ осуществить ихъ для общаго блага». Въ этомъ сознаніи онъ вполне искренно обрекалъ себя на мученичество въ минуты молитвеннаго восторга. По мѣрѣ того, однако, какъ неблагопріятныя обстоятельства и гоненія стали накапливаться на его пути, послѣ временнаго упоительнаго успѣха, честолюбіе высшаго порядка стало постепенно вырождаться въ желаніе во что бы то ни стало удержать за собой власть надъ умами. Савонарола началъ измѣнять себѣ въ словахъ и поступкахъ и, обладая возвышеннымъ и утонченнымъ умомъ, не могъ не гнущаться избираемыми средствами и не сознать мучительно своего паденія. Въ этомъ основной трагизмъ его судьбы, по мнѣнію Дж. Эліота. Осуждать его она предоставляетъ тому, «кто въ полдень своей жизни, усталый и разбитый, не вспоминалъ обѣтовъ юности съ краской въ лицѣ».

Всего удачнѣе изображенъ Савонарола къ концу своей карьеры, когда его аскетическая проповѣдь успѣла надобѣть изнѣженнымъ высшимъ слоямъ; простой народъ, озлобленный напрасными ожиданіями, голодомъ и болѣзнями, сталъ тяготиться запросами на самоотреченіе; а враги, зорко слѣдившіе за Савонаролой и колебаніями общественнаго мнѣнія, начали пускать въ ходъ недостойнѣйшія средства съ цѣлью подорвать авторитетъ бывшаго народнаго любимца и добыть человѣка, утратившаго популярность вмѣстѣ съ вѣрой въ себя. Послѣднія главы романа читаются съ глубокимъ волненіемъ. Савонарола здѣсь точно живой стоитъ передъ нами «въ своей двойной агоніи». Дж. Эліотъ не отступила отъ исторической правды изъ любви къ своему герою. Твердости, мужества, нравственнаго величія онъ не обнаруживаетъ передъ варварскимъ судомъ. Подъ вліяніемъ жестокихъ пытокъ, онъ то признается въ честолюбивыхъ замыслахъ, ради